

Тан Буфань пришел в себя на жестких и ледяных досках деревянной койки. Вокруг него смыкались пыльные серые стены бетонной камеры: с одной стороны — грубая, даже не оштукатуренная кладка, с другой — сплошное толстое стекло, заменяющее решетку. Воздух здесь был тяжелым, сырым, с едва уловимым, но отчетливым запахом болотной тины и застоявшейся крови.

Он тихо застонал от резкой боли, отзывавшейся в висках. Стоило шевельнуться, как внизу живота разлилась изнуряющая, тупая резь.

Все еще пребывая в полузабытьи, Тан Буфань коснулся ладонью живота. Пальцы наткнулись на пустоту — и тут воспоминания лавиной обрушились на него. Он резко, преодолевая боль, рывком сел на койке.

— Очнулся?

Тан Буфань повернул голову. На самом краю постели сидел израненный Андерсон. На нем все еще был тот праздничный белый фрак, но теперь дорогой шелк превратился в грязные лохмотья, насквозь пропитанные бурой, запекшейся кровью.

Судя по всему, Андерсон успел умыться — в углу тесной камеры, на площади едва ли в один квадратный метр, ютился примитивный санузел. Но дальше этого дело не пошло. Лицо его по-прежнему уродовали глубокие, страшные раны. Никто не собирался оказывать ему медицинскую помощь: порезы, оставленные лезвиями Зеро, воспалились, края рассеченной плоти разошлись, обнажая багровую, сочащуюся сукровицей мякоть.

Тан Буфань, бледный как полотно, долго смотрел на него невидящим взглядом, прежде чем к нему вернулась способность соображать.

— Как... почему ты здесь? — хрипло, едва выдавливая слова из пересохшего горла, спросил он.

Он не помнил момента, когда ему ввели транквилизатор. В памяти осталось лишь то, как он умолял Зеро пощадить ребенка, а затем мир внезапно погас. Очнувшись в бетонном мешке, Тан Буфань сразу понял, что они в ловушке. Но то, что Зеро забрал вместе с ним и Андерсона, стало полной неожиданностью.

— Это все Ханс, — угрюмо, но внешне спокойно отозвался Андерсон. — Он нашептал Зеро, что со мной в качестве заложника ты будешь шелковым. Хотя, зная его... Думаю, этот ублюдок просто хотел, чтобы рядом с тобой был хоть кто-то, способный позаботиться о тебе.

Ханс славился абсолютной, звериной жестокостью к чужакам, но к своей семье питал извращенную привязанность. А поскольку Тан Буфань был избранником Лу И, безумец по-своему решил проявить заботу.

Разумеется, за счет Андерсона. Тот едва сдерживал скрежет зубовный от бессильной злости. Ханс просчитал его наперед. И то, что Андерсону в свое время позволили сбежать из лечебницы, было частью той же циничной игры: Ханс прекрасно знал, что в глубине души его подопечный никогда не сможет по-настоящему навредить Лу И.

Тан Буфань молчал. Он медленно провел рукой по ноющему животу. Спрашивать о случившемся не имело смысла — внутри него уже выкристаллизовалось страшное понимание.

«Ребенка больше нет».

Да и глупо было надеяться на иное. Зеро похитил его ради продолжения экспериментов, а беременный подопытный для его безумных планов был лишь помехой.

В груди Тан Буфани все заledenело. Ненависть к Зеро, тлевшая в нем со времен гибели Чэнь Фэя, теперь вспыхнула с новой силой, растекаясь по венам черным ядом. Но именно эта ярость вернула ему силы — слабость и головокружение отступили, уступая место ледяной решимости.

Так и не проронив ни слова о потерянном дитя, Тан Буфань поднялся, перебрался к изножью койки и сбросил изгвазданный пиджак. Следом он снял относительно чистую белую рубашку и принялся методично рвать ее на длинные полосы шириной в три-четыре пальца.

— Иглы с нитками нет, так что пока просто перевяжем, — негромко сказал он.

Оставшись по пояс голым, Тан Буфань принялся осторожно стягивать края разорванной плоти на лице Андерсона самодельными бинтами. Он не знал, поможет ли это удержать ткани вместе, но оставлять раны открытыми в этой сырости было смертельно опасно.

Андерсон послушно сидел смирно, не пытаясь отстраниться. Однако ткани от рубашки хватило лишь на то, чтобы обработать лицо. На плечах и груди огромного полузверя все еще зияли глубокие рваные раны с вывернутыми наружу краями кожи.

— Так не пойдет... — нахмурился Тан Буфань. — Я добуду у них иглу, нити и хоть какие-то медикаменты.

Он набросил на плечи пиджак и, преодолевая тупую боль в затылке и низу живота, поднялся на ноги.

— Не дадут, — глухо бросил ему в спину Андерсон. — Не трать силы попусту. Люди в этом гадюшнике не станут делиться лекарствами со зверем.

После того как его затащили на борт летательного аппарата, чертов бионический андроид набросил ему на голову плотный мешок, лишив возможности разглядеть дорогу. Тем не менее, пока его вели по коридорам, Андерсон успел заметить убожество местной обстановки. Все

вокруг — от лабораторий до этой камеры — было отлито из грубого, крошащегося бетона. Краска на стенах давно облупилась и висела лохмотьями, а плесень чувствовала себя полноправной хозяйкой. Этот комплекс буквально кричал о нищете и запустении.

Тан Буфань проигнорировал его слова. Он подошел к огромному смотровому стеклу и с силой постучал по нему костяшками пальцев.

Зеркальная поверхность мгновенно стала прозрачной. По ту сторону, за старым деревянным столом, сидел молодой солдат в поношенной зеленой шинели. Он как раз обедал, держа в руках помятый армейский котелок. Услышав стук, парень поднял голову, уставившись на Тан Буфаня чистым, еще не утратившим юношеской наивности взглядом.

Тан Буфань догадывался, что за ними наблюдают, но ожидал увидеть бездушного надзирателя, а не этого мальчишку. На вид солдату было от силы двадцать лет. В его простых чертах лица и нескладной фигуре сквозила простодушная открытость человека, еще не познавшего ужасов настоящей войны.

Юноша торопливо поставил щербатый котелок на стол, вытер рот рукавом шинели и поднялся со своего места.

— Тебе нужен Доктор? — приглушенно донесся его голос через динамик связи.

Тан Буфань молча кивнул, продолжая внимательно изучать обстановку за стеклом. Форма на солдате лоснилась от старости, стол и стул казались грубой ручной работой, а рядом с котелком высилась щербатая эмалированная кружка. Весь этот антураж до боли напоминал архивные снимки времен тяжелого восстановления родины в середине прошлого века.

Впрочем, судя по здоровому виду парня и сытному, исходящему паром содержимому его котелка, с продовольственным снабжением в этом подземном царстве все было в порядке.

— Да, — ответил Тан Буфань. Глухая обида и ярость клокотали в его груди, но он сдержался, не желая вымещать злость на невинном часовом. — Будь добр, передай Доктору Зеро, что я хочу его видеть.

— Хорошо, сейчас спрошу, — дружелюбно улыбнулся солдат.

На стене позади него висел массивный серый аппарат селектора. Парень подошел к нему и нажал несколько тумблеров. Тан Буфань сквозь скошенное стекло успел заметить, как замигал тусклый светодиод.

Почувствовав на себе пристальный взгляд пленника, часовой замялся и щелкнул еще одним переключателем. Смотровое окно мгновенно потемнело, вновь превратившись в холодное зеркало, а из динамиков пропал всякий шум.

Тан Буфань постоял перед своим отражением еще несколько минут, но стекло так и не прояснилось. С тяжелым вздохом он вернулся к койке.

В камере стояла типовая армейская двухъярусная кровать из грубого железа. Рассчитанная на обычного человека — девяносто сантиметров в ширину и два метра в длину, — она была катастрофически мала для них обоих. Тан Буфань со своими ста девяноста тремя сантиметрами роста утыкался макушкой в перекладины, а огромный Андерсон, чей рост перевалил за два двадцать, и вовсе не имел возможности вытянуться в полный рост.

Пол под ногами поблескивал грязной влагой. Никто здесь, конечно, не убирался — бетон просто сочился ледяным подземным конденсатом от невыносимой сырости.

— Сколько мы уже здесь? — спросил Тан Буфань, глядя на Андерсона.

— Сутки, — сипло отозвался тот. Из-за потери крови его обычно громоподобный бас звучал на удивление тускло.

— Тебе удалось поспать?

Вместо ответа Андерсон лишь глухо и горько усмехнулся. Тан Буфаню этого было достаточно. Он потянулся к лежавшему на верхней полке колючему армейскому одеялу грязно-зеленого цвета, намереваясь постелить его на влажный пол, чтобы хоть немного защитить раненого от могильного холода бетона.

Но не успел он даже согнуться, как за тяжелой дверью противно заскрежетал засов. Тан Буфань замер. Тяжелая створка нехотя поползла в сторону, и в камеру вошел мужчина в белоснежном лабораторном халате.

Это был Зеро. Однако теперь он предстал перед ними не в облике могучего двухметрового полузверолода, каким Тан Буфань помнил его на приеме, а в теле обычного человека среднего роста. Тонкие золоченые очки сидели на переносице, полудлинные темные волосы небрежно падали на лоб, прикрывая лицо. В этом простом, невзрачном облике было трудно узнать того безжалостного монстра с праздничного вечера.

В руке Зеро держал массивные, устрашающего вида кандалы из грубого железа. С тяжелым, лязгающим стуком он швырнул их к ногам Андерсона.

— Надень.

Андерсон, будучи чистокровным зверолодом, обладал мощными лодыжками, которые стандартные человеческие оковы просто переломали бы. Зеро не стал мудрить и приказал притащить тяжелые путы, предназначенные для содержания диких хищников, лишь слегка подогнав их размер под размеры пленника.

Андерсон скосил глаза на валяющееся у ног железо и презрительно изогнул бровь. Ему не привыкать ходить в цепях, но требовать, чтобы он сам защелкнул их на себе... Это было слишком даже для его нынешнего плачевного положения.

Огромный зверолод медленно, издевательски неторопливо поднялся во весь рост. Из-за слабости его покачивало, но мощная фигура и тяжелый, уверенный шаг все еще внушали первобытный страх.

— Андерсон, сядь, — Тан Буфань испуганно схватил его за локоть. Он слишком хорошо знал бешеный нрав своего спутника и понимал, что любая глупая выходка сейчас может закончиться для них плачевно.

Но тот даже не посмотрел на него. Сбросив руку Тан Буфania, Андерсон вплотную подошел к невысокому Зеро и, низко нагнувшись, заглянул тому прямо в лицо.

Ученый даже бровью не повел. На его бесстрастном лице не отразилось ни тени страха перед нависшей над ним горой мышц.

— Веди себя смирно, — сухо предупредил он.

— Как любопытно... — протянул Андерсон, потирая пальцами подбородок и всматриваясь в темные зрачки Зеро. — Глаза у тебя живые. А вот рука... рука ведь фальшивая, верно?

С этими словами Андерсон молниеносно перехватил правое запястье доктора. Но не успел он сжать пальцы, как рука Зеро с тихим механическим щелчком трансформировалась: ладонь втянулась в предплечье, уступив место длинному, острому, как бритва, лезвию на выдвижных поршнях. Острие клинка замерло в миллиметре от горла зверолода.

У Тан Буфania сердце ушло в пятки. Он изо всех сил рванул Андерсона назад и заслонил его собственной грудью, перекрывая траекторию возможного удара.

— Так ты киборг? — Андерсон злорадно усмехнулся из-за плеча своего защитника. Из-за разницы в росте Тан Буфань едва доставал ему до подбородка, так что спрятаться за ним у зверолода все равно бы не вышло. — Я слышал, среди выживших люди заменяют плоть железом. Сила растет, спору нет. Но цена велика — ты навсегда лишаешься осязания, превращая себя в бесчувственного калеку. Надо быть законченным психом, чтобы сотворить такое с собой.

Тан Буфань мельком глянул на уродливый хромированный протез, заменяющий доктору правую конечность, и про себя согласился с Андерсоном. Каким бы сильным ни было желание выжить в этом жестоком мире, он никогда бы не решился отрезать собственную руку ради холодного куска стали. Чувствовать прикосновения, тепло чужой кожи, текстуру вещей — именно эти мелочи делали жизнь настоящей.

— Подумаешь, рука... — равнодушно обронил Зеро. — Железо гораздо практичнее в работе.

Но Тан Буфань, застывший прямо перед ним, успел заметить, как в глубине его глаз на мгновение промелькнула глухая, затаенная тоска.

Не желая пугать своего главного подопытного, Зеро с тихим шелестом вернул протезу вид обычной человеческой руки и спрятал его в карман халата.

— Думаю, ты достаточно отдохнул, — бросил он, разворачиваясь к выходу. — Пошли в лабораторию.

Тан Буфань облегченно выдохнул. Оглянувшись на раненого товарища, он тихо шепнул:

— Жди меня здесь. Пожалуйста, не лезь на рожон.

Андерсон лишь демонстративно закатил глаза, но перечить не стал — он прекрасно понимал, что против вооруженной охраны им сейчас не выстоять. Тяжело опустившись на койку, он с силой пнул валявшиеся на полу кандалы в дальний угол.

Тан Буфань покорно последовал за ученым. Зеро с натужным скрежетом выдвинул из пазов массивную стальную плиту, заменяющую дверь, и запер ее на тяжелый навесной замок, выудив из кармана связку ключей.

Наблюдая за его архаичными манипуляциями, Тан Буфань не удержался от вопроса:

— Эти шлюзы ведь раньше закрывались автоматически? Система вышла из строя?

— Все работает, — Зеро убрал ключи и зашагал по длинному, слабо освещенному коридору. — Просто в период тяжелейшего кризиса на острове начались перебои с энергией. Несколько раз комплекс полностью обесточивало. В такие моменты заклинившие автоматические шлюзы превращались в смертельные ловушки для персонала и губили ценные образцы. Поскольку ресурсов на поддержание сложной электроники не хватало, мы решили перевести нижние уровни на старую добрую механику.

Тан Буфань понимающе кивнул, продолжая крутить головой. Подземный исследовательский центр поражал своими масштабами: потолки терялись где-то высоко в полумраке, но повсюду царили сырость и холод. Это место больше напоминало заброшенный военный бункер или древний железнодорожный тоннель, нежели передовую научную лабораторию.

Вдоль бесконечных стен тянулись глухие стальные двери. Из-за них не доносилось ни единого звука, создавая гнетущее ощущение абсолютной пустоты...

Бум!

Внезапный оглушительный удар заставил Тан Буфаня подпрыгнуть на месте. В узком смотровом окошке одной из дверей появилось жуткое, лоснящееся зеленою лицо с безумными, выкаченными глазами. Токсичный человек с яростным шипением скреб когтями по бронированному стеклу. Сердце Тан Буфаня ушло в пятки, и он инстинктивно отпрянул в сторону Зеро.

Только присмотревшись, он понял, что перед ним один из токсичных людей. Но этот несчастный мутировал настолько сильно, что больше походил на кровожадного беса из буддийской преисподней.

— Здесь содержатся подопытные из числа токсичных людей, — бесстрастно пояснил Зеро, даже не замедлив шага. — Мы изучаем их генетические мутации и эволюцию уже больше тысячи лет.

Тан Буфань постепенно восстановил дыхание. Теперь ему стало ясно, почему в этом научном центре оборудованы настоящие тюремные блоки с санузлами и смотровыми щелями.

Одна из дверей впереди со свистом отъехала в сторону. Из нее вышел мужчина в медицинском халате, перед которым в воздухе висел полупрозрачный голографический экран, усеянный графиками и бесконечными столбцами цифр. Ученый увлеченно читал отчет, но при виде проходящих мимо гостей его глаза удивленно округлились. Одним взмахом руки он свернул проекцию и торопливо пристроился следом за ними.

Втроем они вошли в просторную грузовую кабину лифта, расположенную в самом конце коридора.

— Доктор, вы уже пообедали? — вежливо поинтересовался коллега Зеро, но его жадный, изучающий взгляд был намертво прикован к высокому Тан Буфаню.

— Да, — лаконично бросил Зеро.

— Ведете его в Лабораторию квантового перемещения? — сгорая от любопытства, спросил мужчина.

— Нет, — отрезал Зеро. — В лабораторию клонирования.

— А-а... — протянул исследователь.

У Тан Буфаня при этих словах болезненно сжалось сердце.

Лифт шел недолго. Металлические створки разошлись, выпуская их на очередной подземный ярус — такой же мрачный, холодный и лишенный даже намека на естественное освещение.

— Мой ученик... вы уже начали процесс? — негромко спросил Тан Буфань, чувствуя, как от волнения капли холодного пота выступают на ладонях.

— Да, — последовал сухой ответ.

Этот уровень явно был сердцем научно-исследовательского комплекса. По коридору то и дело сновали люди в белых халатах. Каждый из них непременно притормаживал и подолгу смотрел вслед Тан Буфаню.

Вскоре они остановились перед бронированной дверью с надписью «Лаборатория биосинтеза и клонирования». Здесь автоматика исправно функционировала: сканер над косяком считал сетчатку глаза Зеро, и створки бесшумно разошлись в стороны.

Тан Буфань замялся на пороге. Сделав глубокий вдох и собрав остатки воли, он заставил себя переступить черту.

Но в следующий миг его едва не вывернуло наизнанку от подступившего к горлу ужаса. Ему дико захотелось броситься наутек. Посреди зала, внутри огромной колбы, висел его «ученик» — точнее, жуткое переплетение сотен пульсирующих багровых сосудов и нервных окончаний, отдаленно напоминающее человеческий силуэт.

— Страшно? — поинтересовался Зеро, небрежно опускаясь в крутящееся кресло у пульта управления.

Тан Буфань судорожно хватал ртом воздух, уставившись мертвым взглядом в пол. Но даже так, боковым зрением, он видел расставленные по периметру зала прозрачные резервуары. Внутри каждого из них, колыхаясь в питательном растворе, зрели жуткие безликие полуфабрикаты из розовой мышечной ткани.

— Я думал... их выращивают из эмбрионов, — с трудом выдавил он. Из школьных учебников биологии Тан Буфань помнил историю знаменитой овечки Долли и представлял себе этот процесс совсем иначе.

— Естественное выращивание — слишком долгий процесс, — отмахнулся Зеро, переводя взгляд на багровую фигуру в колбе. — У нас нет лишних семи лет, чтобы ждать, пока он повзрослеет. Метод трехмерной биопечати на основе расчетов искусственного интеллекта позволяет сократить этот срок в сотни раз.

На губах ученого заиграла тонкая, почти издевательская усмешка. Он аккуратно поправил дужку очков.

— А теперь посмотри на резервуар справа. Как думаешь, кто там?

Тан Буфань, предчувствуя неладное, медленно повернул голову. В соседней колбе плавал еще один эмбриональный каркас, состоящий из редкой сеточки формирующихся кровеносных сосудов. Процесс его создания начался совсем недавно.

Удивительно, но несмотря на отсутствие кожи, лица и даже четких очертаний, Тан Буфань уловил в этой багровой фигуре нечто до боли знакомое. Всматриваясь в пропорции будущего тела — рост около ста семидесяти пяти сантиметров, узкие плечи, — он внезапно понял, на кого смотрит. Ледяной озноб пробежал по его позвоночнику.

Заметив, как побледнело лицо учителя, Зеро с притворной мягкостью произнес:

— Что же ты? Поприветствуй самого себя.

Тан Буфань резко развернулся к нему, его взгляд метал молнии.

— Что это значит?

— А что не так? — невинно удивился Зеро.

— Зачем ты клонируешь меня?! — Тан Буфань чувствовал, как земля уходит у него из-под ног от нарастающего безумия.

— Этот сосуд вернет тебе твою человеческую природу, — Зеро откинулся на спинку кресла и развернулся лицом к формирующемуся клону. — Пускай твое нынешнее тело мутировало в полужверолода, мозг практически не пострадал. Мы перенесем твое сознание в новую, чистую человеческую оболочку. И тогда... ты сможешь вернуться в свое время. Абсолютно прежним.

Тан Буфань онемел. Когда его тело изменилось, превратив его в полужверолода, он раз и навсегда похоронил надежду на возвращение домой. С новым обликом, с генетически измененной кровью, в которой бурлили чужие звериные цепи ДНК, он стал бы монстром в родном двадцать первом веке. Он никогда бы не смог обратиться к врачу, не смог бы жить среди обычных людей.

Поэтому он смирился. Позволил себе ответить на чувства Лу И, поделил с ним брачные клятвы, мечтал о совместном будущем и ребенке, которого они едва не вырастили...

И вдруг теперь, когда все мосты сожжены, ему говорят, что можно начать сначала?

— Слишком поздно... — Тан Буфань почувствовал, как глаза наполняются горькими слезами. — Даже если я снова стану человеком... все кончено. Слишком поздно.

— Опять ты за свое, — поморщился Зеро, в его голосе прозвучало раздражение. — Считай это просто кошмаром, который остался позади. Тысячи людей переживают трагедии и идут дальше. Почему ты так не можешь?

— А они тоже оставляют в прошлом тех, кому обязаны жизнью и сердцем? — горько парировал Тан Буфань.

— Любовные долги... — Зеро презрительно фыркнул. — Какая нелепость.

Лицо Тан Буфани потемнело от гнева. Его трясло от одной мысли о том, что этот бесчувственный сухарь смеет насмехаться над его чувствами к Лу И.

Видя, что переубедить упряма сейчас не удастся, Зеро не стал продолжать спор. Он повернулся к консоли управления и пробежался пальцами по клавишам.

— Впрочем, у тебя есть целых два месяца до запуска второй фазы эксперимента. Время подумать найдется.

Он указал тонким пальцем на колбу с крошечным багровым силуэтом Чэнь Фэя.

— Процесс репликации этого мальчика завершится недели через три. Независимо от твоего окончательного решения, ты обязан помочь мне с его обучением и адаптацией.

Тан Буфань повернулся к будущему Чэнь Фэю. В его груди копошился клубок противоречивых чувств, но в конечном итоге он медленно, обреченно кивнул.

Это он, проявив глупую самостоятельность, выдернул невинного ребенка из его уютного мира и обрек на весь этот кошмар. Загладить эту вину было его прямым долгом.

Размышляя о маниакальном желании Зеро вернуть его назад, Тан Буфань подошел ближе к пульту управления.

— Расскажи мне наконец, как работает эта машина перемещения, — серьезно попросил он. — Что именно вы планируете делать и какая роль отведена мне?

Зеро взял со стола стилус, лениво покрутил его между пальцами и взглянул на собеседника:

— Тебе известны четыре столпа, на которых держится любая успешная темпоральная телепортация?

Тан Буфань был обычным гуманитарием. Наука никогда не давалась ему легко — в свое время

он зубрил круглые сутки лишь ради того, чтобы получить проходной балл в приличный вуз. Он честно покачал головой.

Зеро и не ждал от него глубоких познаний. Он щелкнул стилусом по экрану:

— Первое — это вектор движения. Нужно четко зафиксировать направление: уходим ли мы в будущее или возвращаемся в прошлое. Второе — точность временного интервала. Чем дальше заброс, тем колоссальнее энергозатраты и тем выше погрешность. Третье — безопасность точки выхода. Нельзя допустить, чтобы объект материализовался внутри глухой стены или завис в километре над землей. И четвертое — целостность структуры. Нам нужно перенести биологический объект живым, а не превратить его по дороге в кашу из элементарных частиц.

Тан Буфань нахмурился, пытаясь уложить это в голове:

— И вы выбрали меня, потому что мое появление подтвердило все четыре пункта?

— Именно. За исключением небольшого сбоя с координатами выхода, из-за которого тебя забросило на территорию разрушенной Европы, все остальные показатели совпали с нашими расчетами с точностью до сотых долей процента.

Отправлять собственного исследователя в будущее не имело смысла — в случае неудачи или успеха ученые в настоящем времени так и не получили бы отчет. Забрасывать человека в прошлое тоже было рискованно: даже если бы он выжил и оставил какие-то следы или послания, за тысячи лет они могли быть стерты без следа. Единственным логичным решением, к которому пришел научный совет, было выдернуть человека из прошлого в их эпоху. Результаты такого эксперимента были бы видны мгновенно.

— Какая трогательная забота о науке. Огромное спасибо, что не размазали меня по кирпичной кладке и не разорвали на атомы, — ядовито процедил Тан Буфань.

— Риск действительно был огромен, — Зеро пропустил колкость мимо ушей, продолжая говорить ровным тоном. — Именно поэтому при отборе кандидатов мы искали одиночек, лишенных каких-либо социальных и семейных связей. Нам нужно было минимизировать последствия исчезновения человека для его окружения.

Услышав это, Тан Буфань едва сдержал рвущееся наружу крепкое ругательство. Оказывается, его сиротство и одиночество стали главным пропуском в этот ад! Сцепив зубы и напоминая себе о запертом в сырой камере Андерсоне, он заставил себя успокоиться и продолжил расспросы:

— И почему выбор пал именно на меня? Уверен, во всей стране нашлись бы тысячи одиноких людей.

Вместо ответа Зеро взмахнул рукой. Перед глазами Тан Буфania развернулось еще одно голографическое окно. Он остолбенел: с экрана на него смотрела его страница в социальной сети «Вэйбо».

— Нам удалось восстановить уцелевший архив крупного дата-центра в Шэньчжэне, — пояснил Зеро. — Там хранились данные более чем сорока миллионов аккаунтов. Мы отсеяли пустые профили и фальшивые страницы — осталось около двух миллионов реальных пользователей. Затем убрали стариков, детей, беременных женщин, людей со слабым здоровьем, лиц с деструктивным поведением или низким уровнем образования... В конечном итоге в сухом остатке оказались ты и еще семнадцать человек. Но у шестнадцати из них все же были дальние родственники или обязательства, хоть они и не поддерживали тесных контактов. Выбрать идеального кандидата при столь жестких критериях отбора было невероятно сложно.

Тан Буфания ошеломленно смотрел на застывшие строчки своих старых постов. Ему и в страшном сне не могло присниться, что его скромная жизнь станет объектом препарирования для ученых из далекого будущего.

Зеро лениво листал экран. Мимо проплывали старые фотографии еды, снимки бездомных кошек и глупые повседневные записи, которые Тан Буфания оставлял в минуты скуки.

— На самом деле нашим фаворитом долгое время был профессиональный военный, — продолжал Зеро. — У вас было схожее образование, но физически он превосходил тебя по всем параметрам. Однако у него была невеста, дело шло к свадьбе, да и цифровой след его оказался слишком скудным. А вот ты... Ты как раз устроился в школу. Твоя страница буквально светилась восторгом и энтузиазмом начинающего учителя. Количество твоих публикаций превышало записи того солдата в восемьдесят семь раз. Анализируя твои посты, мы до секунды просчитали твой распорядок дня. Мы знали, что ты просыпаешься в половине седьмого утра, в семь выходишь из дома, а после окончания уроков в полпятого проводишь еще полтора часа в учительском кабинете, направляясь к стоянке электровелосипедов ровно в шесть вечера.

У Тан Буфания похолодели конечности.

Зеро поднял на него тяжелый взгляд:

— Нам оставалось лишь открыть портал в шесть часов пять минут на дорожке, ведущей к парковке. Все было рассчитано идеально. Единственное, чего наш алгоритм не мог предусмотреть... Это то, что в этот самый момент ты будешь вести за руку маленького мальчика.

Кровь застыла в жилах Тан Буфания. Он в ужасе закрыл лицо руками. Вот она, страшная правда. Чэнь Фэй оказался в этом аду исключительно из-за него. Из-за его глупой, неуместной жалости.

Если бы он тогда прошел мимо...

— Он ведь просто сидел в холле и ждал бабушку... — Тан Буфань с силой вцепился пальцами в собственные волосы, готовый выть от бессильного раскаяния. — Зачем... зачем я вызвался проводить его? Почему сам позвонил его бабушке и сказал, чтобы она не беспокоилась?!

Зеро безучастно наблюдал за его истерикой. В его глазах не было сочувствия, лишь холодный прагматизм.

— Прошлого не вернуть, — ровно произнес он. — Сейчас эти самобичевания бессмысленны. Мы воссоздадим тело ребенка и вернем его обратно. Дело будет закрыто.

— Но это будет не Чэнь Фэй! — взорвался Тан Буфань, срываясь на крик. — Какая разница, что у них совпадет ДНК?! Без своей памяти, без пережитого прошлого — это будет совершенно другой человек! Настоящий Чэнь Фэй мертв!

Ученый даже не поморщился от его крика.

— Для его родителей это не имеет значения, — отрезал Зеро. — Главное — они получают назад своего ребенка, плоть от плоти. В конце концов... — Он перевел взгляд на колбу, где медленно сплетались в узоры тончайшие капилляры клона. — Большинство людей заводят детей лишь потому, что так принято, или ради обеспечения собственной старости. Личность самого ребенка их волнует в последнюю очередь.

— Но меня это волнует! — задыхаясь от гнева, выкрикнул Тан Буфань.

Зеро со вздохом потер переносицу:

— Если ты собираешься и дальше устраивать сцены, я начну всерьез сожалеть, что мы не рискнули и не забрали того военного.

— У него была невеста! — сквозь зубы процедил Тан Буфань.

— Ради спасения человечества, уверяю тебя, он бы пошел на эту жертву, — с абсолютной серьезностью ответил Зеро. — В нем чувство долга перед родиной было развито куда сильнее, чем в тебе.

Тан Буфань лишь горько усмехнулся. Спорить с этим чудовищем, лишенным элементарной эмпатии, было бесполезно.

Одним движением руки Зеро закрыл архивную голограмму и вывел на экран сложные физические формулы.

— Перемещение живой материи во времени доказано на практике. Однако вопросы

пространственной калибровки и причинно-следственных связей все еще остаются открытыми. Если наша вселенная имеет мультиверсную структуру, то все усложняется в разы... — Он нахмурился, погружаясь в размышления. — Я искренне надеюсь, что наша временная линия единственна. Иначе... иначе все наши попытки изменить прошлое, чтобы исправить это убогое настоящее, окажутся бесполезными.

Тан Буфань смотрел на этого одержимого фанатика, чувствуя глухое бессилие. Ярость внутри него угасла, оставив лишь пепел.

— Значит, твоя цель — переписать историю? — тихо спросил он с плохо скрываемым сарказмом.

— Именно, — Зеро поднял голову. Блик от ламп отразился в стеклах его очков, на миг открыв взгляд, в котором сквозила пугающая, детская чистота. — Зверолюди слишком опасны. Я ненавижу войну, поверь мне. Но у нас нет выбора. Их дефектный генетический код медленно, но верно отравляет биосферу планеты. Бесконечные мутации, скрещивание с людьми, с дикими зверями... Они порождают чудовищ, которых даже невозможно классифицировать. Наш мир вырождается.

Тан Буфань наконец осознал истинные мотивы этого безумного проекта.

— Ты хочешь вернуться в прошлое и уничтожить первые наброски по созданию зверолюдей?

Зеро медленно покачал головой.

— Нет. Нынешний упадок — вина не только зверолюдей. Обычное человечество виновно ничуть не меньше. — Он посмотрел на Тан Буфаня с фанатичной убежденностью. — Если мне удастся пробить временной барьер, я отправлюсь еще дальше. В эпоху перед началом Третьей мировой войны. Я подчиню себе глобальные информационные сети и оборонные системы. Чтобы спасти людей от самих себя, их нужно взять под жесткий, абсолютный контроль.

<http://bllate.org/book/19039/2003777>